

ПРОИЗВОДСТВО МЕДИ И МОНЕТЫ В СУЗУНЕ: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ (60 – 70-е гг. XVIII в.)

В.В. Ведерников

В 2014 г. отмечалось 250-летие Сузунского медеплавильного завода (1764–1914 гг.), в 2016 г. — юбилей Сузунского монетного двора (1766–1848 гг.).

История производства меди и монеты в Сузуне в историографии освещена неравномерно — большое внимания исследователи уделяли началу производства, ликвидации монетного дела и закрытию Сузунского завода.

Главный итог и главное достижение историографии состоит в комплексном исследовании горнозаводского производства Алтайского горного округа, или до 1830 г. Кольчано-Воскресенских заводов (далее — КВЗ). При таком подходе каждое предприятие рассматривается не само по себе, а как составная часть единой системы горнозаводского производства, как звено в его цепочке. В разных аспектах производственный комплекс КВЗ рассматривают многие исследователи, среди них В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев, Т.Н. Соболева, В.Н. Разгон, А.А. Пережогин, А.П. Афанасьев и др. В своей монографии 2012 г. автор статьи показал место и значение Сузунского завода и монетного двора в системе горнозаводского комплекса Кольчано-Воскресенских заводов, но производство меди и монеты подробно освещено не в монографическом исследовании, а в отдельной статье, опубликованной позднее¹. В данной статье наше внимание сосредоточено на более детальном анализе начального этапа функционирования комплекса медеплавильного завода и монетного двора в Сузуне, начиная с 1764 г. — начала строительства плотины и медеплавильного завода, но 1781 г., когда начался выпуск монеты общегосударственного образца, благодаря решению проблемы очистки меди от примесей. Примерно за 15 лет производство меди и монеты достигло колоссальных успехов. Выявление факторов, обеспечивших этот выдающийся прогресс на начальном этапе, заслуживает пристального внимания.

1. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Барнаул, 2012; Ведерников В.В. Сузунская медь и монета в 1766–1848 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. — № 1. — С. 88-93.

Система местного управления КВЗ оформилась уже в 1748 г. Канцелярия Кольчано-Воскресенских горного начальства (далее — канцелярия КВГН) стала единым центром управления всеми производственными и хозяйственными вопросами. Она находилась при главном Барнаульском заводе. При каждом заводе учреждалась заводская контора, все заводские конторы подчинялись канцелярии КВГН. Производственный комплекс медеплавильного завода и монетного двора подчинялся Сузунской заводской конторе.

Окончательно комплекс Кольчано-Воскресенских заводов сформировался примерно к 1825 г. Тогда он включал в себя пять сереброплавильных заводов: главный Барнаульский завод — самый крупный сереброплавильный завод в империи, а также Павловский, Локтевский, Змеиногорский и Гавриловский заводы. В этот комплекс также входил Сузунский медеплавильный завод и монетный двор. Подсобную роль играло производство чугуна, железа и стали и металлообработка на Томском и Гурьевском заводах. Из чугуна, железа и стали изготавливались инструменты, детали заводских и рудничных механизмов, металлические части, входящие в конструкцию плавильных печей.

Малозвестно, что Сузунский завод также был предприятием черной металлургии и металлообработки, помимо Томского и Гурьевского предприятий. Из чугуна производства Томского завода в Сузуне для потребностей монетного производства приготавливали железо и сталь².

Начало эксплуатации недр Алтая было положено еще уральским заводчиком А.Н. Демидовым. В 1727 г. началось строительство на Алтае первого медеплавильного предприятия — Кольчано-Воскресенского завода, который дал название всем заводам, появившимся впоследствии. Первую медь завод дал в 1729 г. В 1740–1744 гг. продолжалось строительство Барнаульского медеплавильного завода. Но о том, что недра Змеиной горы на Алтае содержат, помимо меди, серебро и золото, узнали уже в демидовский период.

2. Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). ф. 2. Оп. 1. Д. 3554. А. 59 об.

Сведения об этом дошли в столицу. Доказано, что из серебристой меди Демидову удалось получить не более 50 кг серебра. В 1744 г. на Алтай была отправлена комиссия под управлением бригадира А.В. Безра, которая выяснила, существует ли возможность промышленного производства серебра. Было получено 44,5 пуда серебра. В 1745 г. Демидов умер, а в 1747 г. его заводы с рудниками, строениями, людьми были взяты в казну в ведомство Кабинета. Кабинет был особым ведомством, он занимался доходами и расходами русских императоров. С этого времени главным предметом Кольяново-Воскресенских заводов стало производство серебра.

Руды Алтая в промышленных концентрациях одновременно содержали золото, серебро и медь. В 1747—1755 гг. на КВЗ произвели 2,5 тыс. пудов серебра и 6,9 тыс. пудов меди. Причем металлургия меди превратилась не во второстепенный, а в популярный производственный процесс, который от производства серебра отнимал и рабочие руки, и привозной неринский свинец. Негативные последствия этого лишь усугубило снижение содержания серебра в рудах. Все это было причиной остановки производства меди в 1755 г. Вообще, в то время откладывалось решение многих острых производственных и организационных вопросов. В том числе не было определено, куда сбывать произведенную медь и что делать с постоянно копившимися медьсодержащими продуктами, оставшимися еще от демидовского времени и накопившимися год от года после серебряных плавов.

Эти вопросы, наконец, были решены в начале царствования Екатерины II под руководством главного командира Кольяново-Воскресенских заводов Андрея Ивановича Порошина, который пребывал в этой должности с 1753 по 1768 гг. Кольванский завод подлежал ликвидации по причине истощения окрестного бора порубками. Хвойный лес был единственным топливом металлургических заводов. Вместо него на р. Касмале предусматривалось строительство нового завода — Павловского.

Вот как А.И. Порошин решил проблему меди. По сложившейся мировой практике было решено наладить чеканку монеты на месте. Общероссийскую монету уже чеканили в Екатеринбурге. Ежегодно на содержание КВЗ Кабинет расходовал 200 тыс. руб. Предполагалось чеканить кольванской монеты на такую же сумму, таким образом, производство серебра на Алтае и содержание КВЗ обходилось бы Кабинету без расходов. Главной целью медной плавки отныне становилось чеканка монеты, которая судила максимально возможные выгоды. Красный металл было некуда сбывать из-за малочисленности местного населения, соответственно, узости

местного рынка, а доставка в Европейскую часть России была бы убыточной из-за больших накладных расходов на гужевой провоз.

Но предстояло еще выбрать место для монетного производства. Главному заводскому командиру передавалась огромная власть, включая право строительства новых предприятий. Однако на КВЗ уже сложилась практика попутного производства меди на сереброплавильных заводах. Порошин стал рассматривать варианты. Заводской пруд новостроящегося Павловского завода не смог бы обеспечить водой наливные колеса одновременно воздуходувных мехов плавильных печей и станков монетного двора. А вот пруд Барнаульского завода был достаточно полноводным для этой цели. Но требовалась бы реконструкция одной из плавильных фабрик, что означало затрату значительных денежных сумм и сокращение производства серебра, и было очевидно, что нет смысла в перестройке действующего завода, оборудование которого уже стоило значительных ассигнований, чтобы сверх того тратить суммы на его демонтаж и установку взамен него монетных станков.

Поэтому на повестке дня стоял вопрос о строительстве медеплавильного завода на новом месте и при нем монетного двора. Тем самым ловко и технически грамотно решались две задачи: 1) освободить сереброплавильные заводы от переработки медьсодержащих обесеребрённых продуктов и 2) наладить собственно монетное производство.

Трудно переоценить дальновидность этого решения: будущее показало правоту Порошина. Руды почти всех серебряных рудников были медистыми. Шихтмейстер Аистов в 1828 г. записал: «Время управления заводами А.И. Порошина ознаменовано такими полезными распоряжениями и учреждениями, которые, с вероятностью можно сказать, составляют следствие того благосостояния, в котором они теперь находятся³. В материалах комиссии Сент-Альберона 1834 г. находим: «Медь, входящая в состав всех руд, наиболее изобилует в Рудгерском и Зырянском рудниках, так что серебряные их руды, скорее могут быть приняты за медистые серебродержащие». Риддерское месторождение было открыто в 1787 г., а Зырянское — в 1791 г. Решив строить новый медеплавильный завод, Порошин поступил дальновидно. Так, при исследовании ройштейна, полуфабриката серебряной плавки, которое про-

3. Записка о деятельности главного командира Кольванских заводов А.И. Порошина, составленная шихтмейстером Аистовым // Алтайские горные офицеры XVIII — XIX вв. Сборник документов. Барнаул, 2006. С. 55.

4. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2191. А. 571.

водилось на Барнаульском заводе в 1831 г., оказалось, что серебро составляло 0,23% его массы, а медь — 25%⁵.

В 1752 г. уже было выбрано место для нового медеплавильного завода на р. Каракан и запасное место на р. Иня, но А.И. Порошин отдал предпочтение р. Нижний Сузун, так как счел, что эта река полноводнее остальных. Причем, все три места предполагались на протяжении одного и того же лесного массива. Это была распространенная практика, когда при принятии окончательного решения рассматривались и альтернативы. Так Андрей Иванович Порошин стал основателем современного р.л. Сузун.

На строительство завода и монетного двора переводились мастеровые-металлурги из Барнаульского завода и горняки со Змеиногорского рудника, которые сами изъявляли желание на переезд. В качестве постоянного источника пополнения рабочей силы с 1761 г. служила рекрутчина: с Астаны не отправляли рекрутов на военную службу, местам их поземной службы становились горно-металлургические предприятия. За этой категорией подневольных работников закрепилось название мастеровых. Права и обязанности мастеровых и солдат действующей армии были одинаковы. Другой действенной мерой к усилению производства была приниска крестьян к заводам. Взаем уплаты подушной подати принисные крестьяне были обязаны отработывать сумму этой подати на предприятиях, причем крестьянский труд оценивался по заводским расценкам. Это был извоз руд, угля, рубка бревен, углажение, строительство и т.д. Также крестьян привлекали к добыче руд и плавке, но эту практику отменили в 1779 г.

Когда 1 июня 1764 г. на Сузунский завод прибыл командир А.И. Порошин для осмотра хода строительства, здесь было задействовано 16 мастеровых и 403 крестьянина. Почти половина рабочих рук была задействована на строительстве платины⁶.

6 августа 1764 г. на строительстве Сузунского завода уже работало 33 мастеровых, 13 цеховых, крестьян пеших 789 чел. и конных 464 чел. Большинство (431 чел.) употреблялось к перевозу глины, геса, бревен. Было приказано «наипервей исправлять те работы, которые следуют к скорейшей заимке в плотине воды»⁷. В воскресный день 7 августа работников даже не отпустили на отдых. Строительство платины продолжалось в течение 1764—1766 гг. Сначала заводской пруд имел размер всего 30315 м, тем не менее, он обеспечивал работу

20 наливных колес. Собственно говоря, Сузунский завод и монетный двор действовали не столько от скопления воды в плотине, сколько от притока ее в реке. Корпуса располагались сразу за платиной на старом русле и подвергались угрозе затопления от разрушения платины в весеннее половодье. Прочные гидростроительства сказывались довольно долго. Особенно крупными были наводнения 1776 и 1802 г., когда водой срывало с фундамента и уносило постройки, на территории монетного двора река образовала новое русло, с водоворотами. Было унесено течением и завлеено много инструментов.

К строительству монетного двора подключили титулярный советник Иван Марков. Он был отправлен для налаживания монетного производства с Санкт-Петербургского монетного двора, но проходя дальнейшую службу в ведомстве императорского Кабинета и получая жалование из заводских сумм, он, тем не менее, оставался в подчинении Берг-коллегии.

На Сузунский завод Марков прибыл в конце марта 1765 г. Его крайне не устроило размещение разных производств монетного двора в двух отдельных корпусах. Титулярный советник объяснял этот недостаток отсутствием одновременного полного контроля над производством в целом, что привело бы к ненужным и излишним трудностям, как, например, неизбежные потери и кражи при перевозке грузов из одного места в другое. Он предлагал разместить все производства в одном корпусе и составил план этого здания⁸.

Руководителю заводского строительства маркшейдеру Пятину канцелярия Кольяново-Воскресенского горного начальства предписала следовать «указанию наставлению и руководству его Маркова... добрым рассуждением и согласием беспрекословно и с наиприлежнейшим старанием»⁹. К корпусу монетного двора, согласно плану, был пристроен боковой флигель. В этот флигель перенесли те цеха монетного двора, которые первоначально располагались в заводском корпусе. Казалось бы, все уже было подготовлено к началу монетного производства.

В итоге планировка производственного комплекса приобрела свой окончательный П-образный вид. Между заводом (П) и монетным двором (Г) был устроен водопроводный ларь, подававший воду на наливные колеса завода и монетного двора.

Несмотря на то, что Ивану Маркову ставился в обязанность «чтоб оной переезд денежный как наискорее установлен и в действие пущен быть мог», а горному начальству предписывалось «чинить ему

5. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3554. Л. 1 об. — 2об.

6. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 401. Л. 42.

7. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 401. Л. 306 об.

8. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 74.

9. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 111.

(Марк
прин
дабы
деде
ника

ная ф
полто
затор
да бы
мусе
дустр
Аруто
работ
совет
Межд
ми це
выход
ведь т
за пла

Н
от ист
ривов
«И по
ветре
и так
монет
реш
Сузу
крес

П
готови
шва
вилос
ных с
сборк
229 м
одном
было
ловал
А.В. О
иссу
«Г
део,
жара
инстр
шла в
и заке
трети

10
11
12
итере
13

(Маркову — В.В.) как людьми, так и материалами и притом что к тому потребно всякое вспоможение, дабы с стороны заводской никакой в настоящем деле остановки отнюдь не было»¹⁰, все время возникали препятствия.

Нижнюю часть двора, где находилась расковочная фабрика, подтопило уже 21 апреля 1765 г., через полтора месяца после приезда Маркова. От ледяных затворов, образовавшихся ниже по течению, вода стала быстро прибывать. Стобл воды в гармахерской, мусерной, расковочной, плавильной и прорезной достигал 1,5 м. Водой подымаю валы и перенесло на другое место, два горна подымаю и они рухнули. Все работы остановились. Видя затопление, титулярный советник Марков пришел в «уныние» и «отчаяние». Между тем, частичное подтопление вешними водами цехов плавильных фабрик не было из ряда вон выходящим событием в практике русских заводов, ведь предприятия строились в речных поймах сразу за платинами на старых руслах рек.

Начало лета выдалось сухим. 14 июня в поддень от искры из труб плавильных печей, унесенных порывом ветра, загорелась крыша монетного двора. «И потом вдруг вся монетная фабрика от великого ветра занялась, а потом и гармахерская плавильня, и так обе фабрики и ларя до половины сверху и вновь монетной фабрике негодельные пристройки сторец в короткое время»¹¹, — читаем мы в рапорте Сузунской конторы в канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства.

Пожар уничтожил почти все. Были полностью готовы два расковочных молота, на третий навешивали наливное колесо. В плавильной «становились» станы, завершалась постройка 10 печатных станов, в прорезной все было приготовлено к сборке станов. Сторец и водопроводный ларь. Труд 229 мастеровых и 838 крестьян пошел прахом. На одном только сторецшнем монетном дворе в работах было от 500 до 600 и более крестьян. Порошин жаловался управляющему императорским Кабинетом А.В. Осуфьеву: «Он [Сузунский завод] замучил и иссушает дух мой»¹².

«В новую опять проляжку пошло сие нужное дело, не упоминая уже о происшедшем от того пожара убытке казенном»¹³. После пожара некоторые инструменты, привезенные из Екатеринбурга, пришли в негодность, для новой постройки помещений и заказа новых инструментов нужно было ждать две трети года, поскольку строительство не окончилось

бы до зимы. Екатерина II, узнав о пожаре, переписках и потере времени, высказала свое неудовольствие. В итоге, к производству монеты приступили лишь в 1766 г. по мере преодоления последствий пожара 1765 г.

Кроме объективных обстоятельств, началу чеканки монеты препятствовали и причины субъективного характера, имевшие, по-видимому, второстепенное значение. Присланные из Екатеринбурга мастеровые, староста Петр Круеников, монетчик Петр Елисеев и молотовый мастер Захар Почеуев, были отстранены Марковым от работ. Сделано это было под предлогом их должностного несоответствия, так как повышены они были в должности непосредственно перед отправкой с Урала на КВЗ. Во-вторых, все это были люди с плохой репутацией, так как «в бытие и прежде в Екатеринбурге при монетных делах бывали в разных подозрениях и штрафах». Вообще, Урал неохотно делился специалистами и частично приспосабливал обстоятельства для фактической ссылки негодных работников, предварительно повышая их в соответствующие чины.

Порошин писал графу Осуфьеву в Санкт-Петербург: «из присланных из Екатеринбурга к генеральному делу мастеровых подлично ни одного человека нет и подобно как нарочно в брак присланы худого состояния и произведены для той посылки же из негодных подмастерья в мастера, а в подмастерья из работников и учеников с большими окладами жалования, и лучший прислан пробирный мастер, на которого все дело положить велено, не только того производства, но и пробирного дела не смыслит... что надо его еще обучать, а инструменты все самые бросовые...»¹⁴. Такое отношение екатеринбургской администрации к потребностям КВЗ в мастерах-монетчиках, конечно, затягивало открытие Сузунского монетного двора.

Вместо них по требованию Маркова монетный департамент Берг-коллегии в конце 1765 г. отправил из Санкт-Петербургского монетного двора пробирного мастера Михаила Голышева, рисовального и резного дела учеников Якова Афоняева и Матвея Полякова, инструментального ученика Алексея Сабельникова, слесарного ученика Алексея Дорофеева, монетчиков Ивана Мильникова, Андрея Журавлева, Степана Федорова и Луку Николаева, токарного ученика Ивана Хлебникова и кузнеца Михаила Бакаева, всего 11 человек.

Иван Марков не сработался с горными офицерами — должностными лицами на строительстве. Межличностные трения начались еще в процессе возведения корпуса монетного двора. Так, Марков

10. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 55.

11. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 442. Л. 25 об.

12. Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1899. — С. 112.

13. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 442. Л. 17.

14. Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования Екатерины II... — С. 176.

подал в канцелярию КВГН жалобу на маркшейдера Пятина и унтер-штахтмейстера Тельнова за то, что они задеystвовали рабочих, распределенных для выполнения работ на монетном дворе не по существу — то для уборки щеп, то для ломки камня, часто перемещали работников с одного вида работ на другой. «отчего ни одному делу окончания не бывает».

Марков не просто упрекал, он обвинял должностных лиц в пожаре 14 июня 1765 г. На месте строительства не убрали сухую щепу и дрань, покрывавшую водопроводный ларь. В том числе, много мягкой щепы лежало на изготовленном наливном комесе недалеко от ларя, где и возник очаг пожара от искр из труб гармахерской.

Не сработался титулярный советник Иван Марков и с управляющим Сузунским заводом Иоганном Улихом. Иоганн Готтлиб Улих, саксонец по происхождению, был завербован для горной службы в Россию в далеком 1723 г., еще в правление Петра I. До 1744 г. он служил на Калужском заводе под управлением бригадира Андрея Бенедиктовича Безра. Когда императрица Елизавета Петровна повелела Безру отправиться на Алтай для ревизии заводов и рудников покойного заводчика А.Н. Демидова, в состав этой комиссии вошел и Улих. Его роль на Алтае была ключевой, он исполнял должность берг-пробирера, т.е. был специалистом по определению содержания в рудах драгоценных металлов, именно Улих в 1745 г. опечата алтайские рудники Демидова. А.Б. Безр умер в 1751 г. Его заместитель А.И. Порошин, участник комиссии 1744 г., был назначен главным командиром КВЗ в 1753 г. В том же году Порошин отбыл в столицу для решения служебных вопросов, где и оставался до 1762 г., предпочитая управлять заводами на бумаге. Поэтому с 1753 по 1762 г. И.Г. Улих вместе с И.С. Христиани фактически стали руководителями КВЗ. С 1745 по 1763 г. И.Г. Улих был управляющим Кольчыванского завода, а с этого времени он стал первым управляющим Сузунским заводом и монетным двором, и оставался в должности до своей смерти в 1767 г.

Еще не успели ликвидировать последствия пожара 1765 г., как в начале зимы 1766 г. произошло еще одно чрезвычайное происшествие, прозвизшее большой бедой: «Из трубы гармахерской фабрики вылетел немалый ком горячей меди, и летя по ветру шлепала и упала за ларь к оной якорной фабрике»¹⁵. Якорная фабрика — один из подсобных цехов монетного двора, где происходила кузнечная обработка железных валов для проката штыковой меди в полосы, заготовки для производства монеты. Ком

расплавленной меди просто не долетел до здания монетного двора.

По всей видимости, упреки титулярного советника Маркова в адрес чинов канцелярии КВГН не были лишены справедливости. Но нужно не забывать о том, что из-за промедлений с пуском монетного производства на Сузунском заводе складывалась нервная обстановка, которая и благоприятствовала межличностным конфликтам. Титулярный советник подчинялся не Кабинету, а Берг-коллегии. В неупомянутых переписках с канцелярией КВГН Марков, ссылаясь на Библию, заявил даже, что он не может быть «слугою двух господ».

Так, препирался с канцелярией КВГН, И. Марков испортил отношения и с императорским Кабинетом. Вот как лето 1765 г. на происходящее отреагировал А.В. Олсуфьев в своем ответе на рапорт Маркова: «Когда в рассуждении прошедшего с отправления вашего отписки и приезда на оные заводы довольно времени ожидал кабинет получить от вас о порученном вам денежном переделе сходное чяние своим известие о успехах или по меньшей мере о совершенном к производству оного установлении; по вместо того против всякого чяния и к крайнему удивлению не только прямого еще начала денежного передела не видно, но и содержим в себе оный рапорт ваш совсем построение, не принадлежащее к тому материи»¹⁶.

Так, например, И. Марков ходатайствовал перед Кабинетом о постройке на Сузунском заводе церкви Тихвинской божьей матери и содержания ее за счет заводских сумм, что слишком уж выходило за рамки его компетенции. Требовал Марков и повышения жалования, но ему платили двукратно больше, чем назначалось по рангу.

Нет оснований сомневаться в профессионализме И. Маркова, но любой конфликт развивается; теперь с легкой руки титулярного советника он переносился в плоскость взаимоотношений между Кабинетом и Берг-коллегией, тем более, что за ходом монетного производства на Алтае пристально следила сама императрица. Наконец, по указу из Берг-коллегии Марков был оштрафован удержанием половины жалования за промедления.

По мере преодоления последствий пожара лета 1765 г. подготовка к монетному производству продолжилась. В марте 1766 г. из Екатеринбурга прибыли легкие машины. В апреле канцелярия КВГН принуждала Маркова начать тиснение монет, не дожидаясь окончания строительства вододействующих механизмов. 1 июля 1766 г. Марков представил канцелярии шестистороннюю монету 3229 руб.

15. ГААК. Ф. 1. Он. 1. Д. 442. Л. 191.

16. ГААК. Ф. 1. Он. 1. Д. 442. Л. 20.

36 коп. Всего в 1766 г. на СМД изготовили сибирской монеты на сумму 23 227 руб. 52 коп.¹⁷

На основании указа от 7 ноября 1763 г. предлагалось тиснить монеты гривенную (достоинством 10 коп.), пятикопечную (5 коп.), грошовую (2 коп.), копечную (1 коп.), денежную (½ коп.) и получечную (¼ коп.) с изображением на аверсе посредние пальмовой и лавровой ветви с вензелем императрицы, а на реверсе под короной герб Сибирского царства, обозначением номинала и годом¹⁸.

На Екатерининбургском монетном дворе, например, из пуда меди делали мелкой «копечной» монеты на сумму 16 руб. Присутствие же 0,81% чистого серебра и 0,01% чистого золота в сузунской, или «кольванской» меди, повышало ее стоимость, поэтому на монетном дворе в Сузуне чеканили мелкой монеты на общую сумму 25 руб. с пуда. Говорили, что на Сузунском монетном дворе (далее — СМД) применялась 25-рублевая стопа.

В итоге кольванская монета была тоньше екатеринбургской и меньше весом. Главный судья монетной канцелярии в Петербурге И.И. Шаттер, посвятивший много лет своей жизни борьбе с подделкой медных денег в стране, опасался, что отсутствие внешних отличий кольванской от любой другой меди вызовет всплеск фальшивомонетничества в Европейской части России. Это обстоятельство заставляло ограничить обращение монеты с литерами «К.М.» на аверсе («кольванская монета») пределами Сибири.

Для передела в монету у уральского заводчика Походяшина было приобретено 2 тыс. пудов красной меди. Дело с походяшинской медью было инициировано Берг-коллегией указом от 15 сентября 1765 г. В 20-х числах декабря 1766 г. походяшинская медь поступила на КВЗ¹⁹. Эта поставка была составной частью мер по ускорению запуска монетного производства. Любопытно, однако, что по справке в канцелярии КВГН в 1764 г. имелось 31795 пудов «наличной меди»²⁰. Возникает вопрос, какова же была необходимость покупки 33 тонн меди у купца Походяшина, если на КВЗ уже и так было 320 тонн? Само понятие «наличная медь» означало не фактическое ее наличие, а присутствие в оборотных продуктах, которые в своей массе накопились с 1747 г., включая и плавильные остатки, перешедшие еще с демидовского времени. В 1764 г. для передела в монету подготовили лишь 635 пудов (10 тонн) меди, годной в ковку.

Итак, с пуском чеканки монеты не была решена проблема очистки меди от примесей: ни от свинца, ухудшавшего ковкость меди и дурно влиявшего на качество монеты, ни от золота и серебра, повышавших цену красного металла.

Здесь необходимо углубиться в металлургию. Серебро не получалось напрямую после расплавления руд. Требовалось три операции. Первая операция — сырая плавка, когда руды первоначально плавилась, чтобы сконцентрировать серебро в полуфабрикате, рожштейне или сырце. Второй операцией была извлекательная, ее целью было извлечение серебра из рожштейна жидким свинцом. Третья операция — раздельная, в ходе которой серебро отделялось от свинца. Но поскольку, как мы уже

Две копейки. 1768 г., реверс

Две копейки 1768 г., аверс

17. Удальников В.В. Монеты России XVIII — начала XX вв. Очерки по нумизматике М. 2004. — С. 441.

18. Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II... — С. 54.

19. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 442. Л. 693.

20. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523. Л. 318.

Десять копеек. 1774 г., реверс

Десять копеек. 1774 г., аверс

не раз отмечали, серебряные руды содержали медь в промышленных концентрациях, в ходе трех операций она не извлекалась, а оставалась в оборотных продуктах серебряной плавки.

Изначально Павловский завод плавил только рогатейны для Барнаульского завода. На Барнаульском заводе в обязательном порядке рогатейны перед извлекательной операцией стали обжигать, чтобы устранить из них серу. Именно сера, в конечном итоге, вредила процессу очистки меди, который как раз и осуществлялся на Сузунском предприятии.

В 1770 г. управляющий Сузунским заводом и монетным двором Данило Балле смог решить про-

блему очистки меди от примесей²¹ настолько, что это позволяло пренебречь содержанием серебра и золота и не учитывать их стоимость. Кроме того, с 1772 г. Сузунский завод впервые стал плавить медные руды специально для монетного производства. Это позволило в 1781 г. перейти на чеканку медной монеты общегосударственного образца с 16-пудовой стопки, как и в Екатеринбурге.

Но плавка серебряных руд в Сузуне велась уже тогда. Чтобы после извлечения меди из оборотных продуктов других заводов увеличить концентрацию серебра в отходах медной плавки, их переплавляли с серебряными рудами, дабы серебро оборотных продуктов соединилось с рудным серебром. Затем этот серебросодержащий полуфабрикат отправляли обратно на Барнаульский или Павловский завод для дальнейшей переработки. В 1772–1821 гг. Сузунский завод плавил серебро и медь, в 1821–1831 гг. — одну только медь, с 1831 г. и до конца XIX в. — снова серебро и медь²². Серебряная плавка в Сузуне была подсобным производством, не превышавшим 50 пудов в год, тогда как сереброплавильные заводы производили ежегодно 1 тыс. пудов серебра.

Если в 1767 г. на Сузунском заводе было 6 плавильных печей, то в 1768 г. их количество удвоилось, а в 1744 г. было увеличено с 12 до 15 печей. Для сравнения: на Барнаульском заводе печей было 30, на Павловском — 24²³. Следовательно, всего на Колывано-Воскресенских заводах в 1775 г. действовало 69 печей, т. е. на Сузунском заводе действовало примерно 20% всех печей производственного комплекса КВЗ. Кроме того, Сузунский завод являлся предприятием черной металлургии и металлообработки, что было необходимо для монетного производства и осуществлялось, таким образом, в сравнительно небольших объемах. Но токарный цех монетного двора иногда выполнял заказы на изготовление чугунных и железных деталей других заводов и Змеинорогского рудника.

Главной целью медеплавильного производства в Сузуне оставалась чеканка монеты. В 1767 г. было тиснено 259 тыс. руб., в 1768 г. — 171 тыс. руб., в 1769 г. — 200 тыс. руб. С 1770 по 1774 гг. тиснили 250 тыс. руб. в год, но в 1773 г. изготовили 523 тыс. руб. В период 1775–1779 гг. тиснили 300 тыс. руб. Приводимая на стр. 15 таблица наглядно представляет размеры монетного производства в этот период времени.

Для сравнения: с 1771 по 1780 г. на Екатеринбургском монетном дворе напечатали медной моне-

21. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. Л. 9–10.

22. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2098а. Л. 61–61 об.

23. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 361. А. 1 об.

Назва
Гри
Пятни
К
Д
По
П

ты на
монет
меньш
ются
части
Сузун
ваше
гор до
цивил

Го
ли од
таллу
ловск
рудни
лифиз
щие б
полов
числе
чел. м
Павло
старо
Запад
пункт
селен
го гор
Змеин
Сузун
Воскр
Подом

Го
зунск
сереб
Первь
лурги
кого р

24.
пег во
Оп. 2. Д.

Монетное производство в Сузуне ежегодно (1775–1779 гг.)

Название монеты	Номинал	Сумма, тыс. руб.	Тираж, млн шт.
Гривенник	10 коп.	200	2
Пятикопеечник	5 коп.	80	1,6
Грош	2 коп.	12	1,2
Копейка	1 коп.	6	0,6
Деньга	½ коп.	1,5	0,3
Полушка	¼ коп.	0,5	0,2
Итого		300	5,9

ты на сумму 20 092 тыс. руб., тогда как на Сузунском монетном дворе — 2 610 руб.²⁴ Такие восьмикратно меньшие объемы производства, вероятно, объясняются меньшим количеством населения в Азиатской части России, что, впрочем, не умаляет значения Сузунского монетного двора. Населению, проживавшему на обширных пространствах Уральских гор до Тихого океана, предоставлялось такое благо цивилизации, как монетное обращение.

Горнопромышленные предприятия КВЗ стали одними из крупных предприятий цветной металлургии в стране. Вокруг Барнаульского, Павловского, Сузунского заводов и Змеиногорского рудника разрастались поселки, в которых квалифицированные рабочие составляли подавляющее большинство населения, что в России второй половины XVIII в. было редкостью. Так, в 1771 г. численность населения Барнаула составляла 2846 чел. мужского пола, Змеиногорска — 2449 чел., Павловска — 879 чел., Сузуна — 1120 чел. (без староверов). Горнопромышленные поселки юга Западной Сибири стали крупными населенными пунктами по меркам той эпохи. Численность населения Барнаула, например, была больше любого города Московской губернии, кроме Москвы, Змеиногорск уступал одному лишь Серпухову, а Сузун по численности населения превосходил Воскресенск, Волоколамск, Клин, Звенигород, Подольск, Рузу и др.

Горные инженеры, служившие в ведомстве Сузунской заводской конторы, переводились сюда с сереброплавильных заводов и рудников, и наоборот. Первыми сузунскими мастерами стали металлурги Барнаульского завода и горняки Змеиногорского рудника. Значительных успехов производство

меди и монеты в Сузуне быстро достигло за первые 15 лет своего существования в контексте сереброплавильного производства Кольвано-Воскресенских заводов под управлением императорского Кабинета, главного командира заводов и канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства.

Десять копеек. 1776 г., реверс

Десять копеек. 1776 г., аверс

24. Erdmann Johann Friedrich. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Teil II. Leipzig, 1826. S. 241 — 243; ГААК. Ф. 1. Он. 2. Д. 1600. Л. 194 об. Подсчет.